

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Глава 1. ОХОТА «ВОЛЧЬЕЙ СТАИ»</i>	<i>5</i>
<i>Глава 2. СТРАШНЕЕ ДУРАКА ТОЛЬКО ДУРАК С ИНИЦИАТИВОЙ.....</i>	<i>37</i>
<i>Глава 3. ЕВПАТОРИЙСКАЯ ПОБУДКА</i>	<i>57</i>
<i>Глава 4. ЛУКУЛЛСКАЯ ПОБУДКА</i>	<i>80</i>
<i>Глава 5. ГЛАДКО БЫЛО НА БУМАГЕ</i>	<i>104</i>
<i>Глава 6. БАЛАКЛАВСКАЯ ПОБУДКА</i>	<i>127</i>
<i>Глава 7. СТАРЫЕ ВОПРОСЫ В НОВОЙ УПАКОВКЕ</i>	<i>154</i>
<i>Глава 8. С ПАРШИВОЙ ОВЦЫ.....</i>	<i>190</i>
<i>Глава 9. ПОВТОРЕНИЕ ПРОЙДЕННОГО</i>	<i>220</i>
<i>Глава 10. НОВЫЕ ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА....</i>	<i>253</i>
<i>Глава 11. ПОСЛЕДНЯЯ КАРТА</i>	<i>273</i>
<i>Глава 12. КОНСТАНТИНОПОЛЬСКАЯ ПОБУДКА</i>	<i>298</i>
<i>Глава 13. ТЕНИ ПРОШЛОГО</i>	<i>331</i>

Там, где раз поднят русский флаг,
он уже спускаться не должен.

Император Николай I

Глава 1

ОХОТА «ВОЛЧЬЕЙ СТАИ»

Когда до передовых кораблей противника осталось пять миль, мы развернулись и пошли тем же курсом, уравнив скорость хода, чтобы не приближаться. До рассвета еще более часа, поэтому никто нас не обнаружил. Естественно, навигационных огней «Лебедь» не нес. Поэтому наше появление оказалось для англичан и французов полной неожиданностью. Мы не торопясь шли впереди вражеской эскадры, оставаясь за пределами дальности стрельбы ее орудий, но постоянно находились в зоне видимости, наблюдая за противником. Утро выдалось ясным, погода тихая, дует легкий норд-ост. Скорость эскадры чуть более пяти узлов. Ветер не благоприятствует. После нашего обнаружения сразу же начался интенсивный обмен флажными сигналами между флагманскими кораблями и остальными. После чего

пароходы стали поднимать пары в котлах, что было ясно по усилившимся клубам дыма из их труб. Цивилизованные европейцы решили все же шугануть наглого разведчика. То, что догнать нас не получится, они это уже поняли. Но и позволить держать все время себя под наблюдением тоже не хотели. Поэтому решили атаковать превосходящими силами в надежде, что мы опять сбежим так же, как возле Варны. Ничего не имею против, господа! Всегда к вашим услугам!

«Лебедь» лениво ворочал винтами, следуя черепашьям ходом и рассекая бирюзовую гладь Черного моря. Погода прямо загляденье! Но не для парусников. Ветер еще более ослаб, и они сейчас еле ползут. А вот пароходы усиленно дымят и довольно резво пошли на сближение. За ними внимательно наблюдают в бинокли и подзорные трубы старпом и помощники, обмениваясь мнениями.

— Ишь, как раскочегарили... Узлов одиннадцать-двенадцать идут, не меньше...

— А с чего бы такую ораву на нас натравливать? Аж восемь выпелов!

— Боятся нас, не иначе... Юрий Александрович, они скоро на дистанцию стрельбы подойдут. Нам ведь приказано в бой не ввязываться и только наблюдать.

— Не ввязываться — в смысле атаковать самим. Но если господа просвещенные мореплаватели и не очень просвещенные любители лягушатчины сами на нас нападут, то это уже не

будет нарушением приказа. Что мы в данном случае и наблюдаем.

— Так мы специально их выманили?

— Разумеется. Надо показать незванным гостям, что им тут не рады и что правила ведения войны, которые они всем любят навязывать, здесь придется забыть. Устроим показательное избиение недоумков, которые нападают на тех, кто их не трогает. Федор Федорович, прикажите подать болванки и бомбы к орудиям. Будете управлять пароходом. Держите постоянную дистанцию, а я опять в стрельбе потренируюсь...

Предстоит стрельба на большой дистанции, поэтому опять придется выполнять обязанности наводчика. Ганс уже занял позицию на высоте в тысячу метров и выдает прицельные данные. В принципе, уже можно открывать огонь, дальность стрельбы позволяет. Но подождем, когда спешащий нас поймать противник приблизится, чтобы потом было поменьше глупых вопросов. По крайней мере хорошо, что сейчас не требуется вести стрельбу в духе Вильгельма Телля, чтобы попадать именно в нужную точку. Достаточно просто попасть, всадив бомбу или болванку в корпус корабля противника. Пусть даже он не утонет, а лишится хода. Под парусами «колесник» не ходок и, скорее всего, отстанет от эскадры. А наша «волчья стая» схарчит его и не подавится. Ганс присматривает за ее приближением, и если они сохраняют ход, то

к вечеру уже будут здесь. Вот тогда и поглядим, чьи в лесу шишки...

Комендоры уже не удивляются, что капитан захотел сам пострелять, поскольку признают, что в этом искусстве мне нет равных. Пока что прокатывает объяснение, что я сам лично проектировал эти пушки. А дальше посмотрим. Есть у меня еще одна задумка по части делания пакостей господам европейцам, но это пока не к спеху. И надо для этого Петьку Дробышева сюда из Петербурга привезти.

Петр с Дашей показали высокую эффективность в Аландском сражении, исполняя роль навигационного радара. Точно определяя в темноте место «Ильи Муромца» и наводя его на наиболее важные цели в порядке очередности. Без них ночной бой, в течение которого было уничтожено наибольшее количество кораблей противника, был бы невозможен. Также удалось скрыть от широкой публики их истинную роль в произошедшем. Для всего экипажа, кроме нескольких посвященных, они были штурманский ученик и сестра милосердия, помогающая доктору. Тем более, это было правдой. Весь бой они провели в боевой рубке, и их никто из остальных членов экипажа там не видел. Как не видел и репортер Кравцов, которого в рубку вообще не пустили, и он наблюдал за ходом боя из каземата на батарейной палубе. Поэтому секрет ночного успеха нашего первого броненосца удалось сохранить. Ну а поскольку

ку боевые действия на Балтике закончились, и держать там оба живых «радара» нет смысла, после Аландского сражения велел привезти Петра в Одессу, заранее заручившись его согласием. Даша тоже порывалась, но не дело тащить девчонку на войну за тридевять земель. Пусть лучше в Петербурге сидит, учится и на всякий случай «Илью Муромца» подстраховывает. А то, не ровен час, опять «цивилизаторы» полезут.

Позади восемь быстро приближающихся целей. Усиленно дымят и пытаются выжать все из своих машин, шлепая плицами колес по воде. Ветер по-прежнему слабый норд-ост, волнение отсутствует, качки нет, видимость отличная. Условия для стрельбы просто идеальные. Киваю рассыльному, и он тут же передает на мостик — полный ход! Винты вспенивают воду под кормой, и «Лебедь» устремляется вперед, выдерживая дистанцию до противника. Головной пароход под английским флагом уже давно на прицеле у Ганса. Мое орудие заряжено болванкой, соседнее — бомбой. Фугасные снаряды будем экономить. Грохот выстрела правого кормового орудия «Лебеда» прокатывается над морем. Охота началась!

Не знаю, то ли пороховой заряд и вес болванки оказались идеально соответствующими табличным данным, то ли просто везение, но первый же мой выстрел оказался удачным. Болванка, проникнув внутрь корпуса, повреди-

ла котел или паропровод. Взрыва котла не произошло, но над палубой вырос большой султан пара. Машина парохода встала, что было видно по переставшим вращаться колесам. Следом раздался выстрел левого кормового орудия, и его наводчик — отставной кондуктор Остапенко, доказал, что научился за время долгой службы не только медяшку драить и глянец на ствол пушки наводить, но и метко стрелять. Выпущенная им бомба угодила в правую скулу парохода рядом с ватерлинией. Проломила обшивку борта и взорвалась, разворотив пробоину приличных размеров, через которую сразу же стала захлестывать вода. Все, этот противник уже не жилец.

Сразу же за нашими выстрелами ответили англичане. Но расстояние было слишком велико для их пушек, и все ядра упали с недолетом. Мы перенесли огонь на следующую цель, также разделив виды боеприпасов. Я вел огонь болванками, заодно озвучивая дистанцию, а Остапенко бомбами. И это дало свои плоды. В условиях отсутствия качки наш огонь был очень точен. Практически все выстрелы попадали в цель. Второй пароход с первого и со второго попадания обездвижить не удалось — болванки хоть и попали в корпус парохода, но не задели машину и котел. И только третье попадание пришлось в механические «потроха». Пар начал травиться в атмосферу, давление в котле упало, и машина встала. Остапенко тоже первым выстрелом угодил не в корпус,

а в дымовую трубу, которую бомба прошла насквозь и взорвалась уже за бортом. Вторая упала с небольшим недолетом. Но зато третья угодила прямо в борт, проломив обшивку и взорвавшись внутри корпуса. Этого хватило, чтобы оставшиеся англичане поняли, что им тут ничего не светит. Поэтому, дав еще один залп, который снова упал с недолетом, развернулись и стали уходить под прикрытие главных сил. Теперь торопиться было некуда. Уступив место возле пушки штатному наводчику, я вернулся на мостик, откуда с интересом наблюдали за ходом боя старпом и вахтенные. Обручев не скрывал восхищения.

— Юрий Александрович, у вас талант артиллериста! Такой точной стрельбы я за все годы службы не видел! Сейчас ведь расстояние гораздо дальше, чем возле Пицунды и Синопа!

— Так и погода хорошая, Федор Федорович. Качки нет, поэтому и целиться легче. Сейчас самый малый ход, разворачиваемся, добиваем этих подранков и продолжаем вести наблюдение.

— Так, Юрий Александрович... Они флаги спустили...

— Ну и что? Это как-то может помешать нашим комендорам вести огонь?

— Нет, но... Так ведь не принято... Существуют определенные правила...

— Кем эти правила установлены? Англичанами? Или французами? А мы здесь при чем?

— Но... Так ведь нельзя!

— Почему нельзя? Федор Федорович, никто их сюда не звал. И свои правила пусть устанавливают у себя в «цивилизованной» Европе. А мы в их понимании — дикая Азия. Поэтому не обязаны следовать их правилам у себя дома. Запомните, господа. Установленные ими правила англичане и французы если и соблюдают, то только в отношении так называемых «цивилизованных народов». Мы же для них априори таковым не являемся. Французы в 1812 году тоже визжали, что варвары москвиты воюют не по правилам. А что сейчас изменилось? Ничего. Они снова пришли войной на нашу землю. Но уже в компании с англичанами и турками. Поэтому пусть забудут о своих правилах...

Чтобы добить два парохода с поврежденными машинами, много времени не понадобилось. Тот, что угодил под огонь первым, уже и так тонул. Поэтому по нему даже стрелять не пришлось. Второй обстреляли из носовых орудий, когда развернулись на обратный курс и подошли на расстояние в милю. Первый же залп угодил в цель. Взрывы бомб вырвали большие куски обшивки борта, и пароход стал быстро погружаться. Англичане пытались спустить уцелевшие шлюпки, но погружение шло слишком быстро. Оседая носом и увеличивая крен на правый борт, пароход уходил под воду. В конце концов он лег на борт и опрокинулся, ненадолго задержавшись на поверхности. Вскоре лишь

большое количество деревянных обломков, за которые цеплялись уцелевшие англичане, говорило о том, что совсем недавно здесь произошел бой между русским флотом и флотом вторжения «цивилизованной» Европы. После чего «Лебедь» развернулся и снова стал следовать впереди вражеской эскадры, сохраняя безопасную дистанцию. Уже зная мое отношение к европейским «цивилизаторам», Обручев все же поинтересовался:

— Юрий Александрович, англичан из воды вылавливать не будем?

— Не будем, Федор Федорович. Вода теплая, погода тихая, вскоре их свои подберут. В этом «цыганском таборе» англичан, французов и турок десятки тысяч. Куда мы их девать будем?

Вопрос риторический, поскольку девать такую ораву пленных некуда. О чем у меня был разговор с Новосильцевым. Он поначалу тоже собирался вести бой «по правилам». Но когда я ему на бумаге сделал полный расклад, указав численность экипажей наших пароходов, их грузоместимость, а также численность десанта и экипажей на кораблях противника, отставной каперанг призадумался. Как ни крути, выходило, что после утопления десятка транспортов с десантом у нас на борту начнется вавилонское столпотворение, если выловить из воды хотя бы половину из тех, кто там находится. И как эту толпу контролировать? Да и как заниматься спасательными работами в ходе боя, когда в любой момент можно подвергнуться атаке превос-

ходящих сил? Поэтому решили никого не спасать. Сумеют спустить шлюпки и добраться до берега — их счастье. Не сумеют — значит судьба у них такая. Приказ довели до всех капитанов «хулиганской флотилии», популярно объяснив, чем может закончиться неумеренное увлечение гуманизмом. Вроде дошло.

За весь день ничего важного не случилось. Мы так же шли впереди вражеской эскадры, оставаясь за пределами дальности стрельбы ее орудий, эскадра тащилась за нами черепашным ходом при слабом ветре, а наш Черноморский флот отсутствовал. Но для него еще рано, даже если бы он стоял в полной готовности к выходу. А такое маловероятно. «Пересыпь» по времени уже должна прийти в Севастополь. Вот теперь и посмотрим на поведение некоторых. Если Меншиков не станет заниматься саботажем, отговариваясь большим количественным и качественным превосходством противника, а сразу отдаст приказ выйти в море, то самое позднее через два дня Черноморский флот должен появиться. Если же не появится... То, скорее всего, уже вообще не появится...

Когда время перевалило за полдень, впереди появились дымы. Ганс подтвердил, что приближается «хулиганская флотилия». Шесть пароходов шли строем фронта на расстоянии порядка трех-пяти миль друг от друга, прочесывая широкую полосу. Даже если бы эскадра и попы-

талась проскользнуть незамеченной, у нее все равно бы это не получилось. Теперь держаться в пределах видимости противника смысла не было. «Лебедь» дал полный ход и пошел на встречу своим. Следовало как можно скорее сообщить последние данные и согласовать порядок дальнейших действий.

Нас тоже обнаружили издалека по густым клубам дыма, поэтому пароходы стали смещаться в нашу сторону. «Измаил» шел в центре ордера. Поравнявшись с флагманом, развернулись на обратный курс и подошли поближе, уменьшив ход, чтобы можно было общаться через рупор. Доложил Новосильцеву численность кораблей противника, походный ордер, а также то, что эскадра «цивилизаторов» уменьшилась на два парохода, что привело Новосильцева в хорошее настроение.

К этому моменту подошли остальные пароходы и следовали параллельным курсом, уменьшив ход до самого малого. Выяснив порядок построения, решили атаковать хвост эскадры. Там скопилось много отставших судов с десантом, которые сопровождаются всего лишь четырьмя парусными фрегатами. Тактику предстоящего боя согласовали еще в Одессе в зависимости от ситуации, а сейчас лишь уточнили обстановку. Шесть пароходов разделяются на две группы по три в каждой и нападают на десантные суда, оставаясь все время на ветре. В бой с линейными кораблями и фрегатами не ввязыва-

ются. Никакого сражения «по правилам», как привыкли воевать «цивилизованные» европейцы, удерживая свое место в строю, чего бы это ни стоило. Мы же будем действовать малыми группами по принципу «ударил — удрал». И так раз за разом. Кружить, как волки вокруг стада, загрызая отбившихся. «Лебедь», как наиболее быстроходный и лучше вооруженный, действует автономно, прикрывая остальных. Не отвлекается на суда с десантом, а отражает попытки вражеских пароходов помешать обеим группам. Поскольку реальную опасность для нас могут представлять только пароходы. Маневры парусных линейных кораблей и фрегатов будут скованы встречным ветром, а натравливать на нас три винтовых линейных корабля — это значит расписаться в собственном бессилии. Именно три, поскольку от французского «Монтебелло» толку нет. В создавшейся ситуации он мало отличается от парусника.

Следуем кильватерной колонной встречным курсом на виду у противника, оставаясь на ветре и за пределами дальности стрельбы его орудий. Англичане и французы уже не пытаются отогнать нас атакой многочисленных, но слабо вооруженных пароходов, некоторые из которых имеют всего по две пушки. Вместо этого стараются сохранять строй, загнав транспорты с десантом на другой борт — подальше от нас. Но это удастся сделать далеко не всем, поскольку три сотни с лишним коммерческих парусников, экипажи которых не имеют опыта

следования походной колонной с сохранением своего места в строю, растягиваются на большое расстояние. Вот туда мы и направляемся. Нельзя сказать, что англичане и французы вообще ничего не делают. Пароходы подняли пары в котлах и ждут команды. Те парусники, что идут впереди, убавляют паруса, чтобы дать возможность отставшим догнать главные силы. Но время...

Проходим вдоль строя военных кораблей, идущих впереди. «Лебедь» убавляет ход, разворачивается и ложится на параллельный курс с эскадрой. Наша задача — наблюдать за противником. И если он попытается атаковать, бить его на дальней дистанции, максимально используя свое преимущество в скорости и дальности орудий. А остальная флотилия проскакивает вперед и, лишь поравнявшись с отставшим «обозом», разделяется на две группы и идет на сближение. «Измаил», «Очаков» и «Аккерман» атакуют головную часть «обоза» с правого борта. А «Херсон», «Скадовск» и «Тарханкут» проходят в самый конец и начинают громить хвост, в «обозе» паника. Парусники с десантом пытаются выйти из-под обстрела и сбиваются в кучу. Уже замечены столкновения. Четыре английских фрегата, прикрывающие «обоз», не в состоянии это сделать, поскольку «обоз» растянулся на большое расстояние, и слабый ветер не позволяет им развить большую скорость. К тому же наши пароходы находятся на ветре,

и все маневры фрегатов скованы встречным ветром. Стрельба англичан всем бортом не дает никакого эффекта — ядра падают с недолетом. В то же время бомбы наших нарезных орудий уже нашли свои первые цели. Промахнуться по такой куче-мале невозможно. Все перелеты ловят те, кто находится в глубине кучи. Со стороны главных сил эскадры отделяется большая группа из восемнадцати пароходов и устремляется на помощь «обозу». А на пути у них всего лишь один «Лебедь». Неудобный расклад, но выхода нет. Гремят выстрелы наших носовых пушек, посылая бомбы навстречу врагу. Охота продолжается!

Внимательно слежу за обстановкой с помощью Ганса, находясь на мостике. Если снова встану к пушке, этого никто не поймет. Поэтому точность нашей стрельбы несколько ниже. Но и этого хватает. Как правило, две бомбы из трех попадают в цель. Когда англичане приближаются на полторы мили, разворачиваемся и держим их за кормой, сохраняя дистанцию. Противник пытается бить навесом, но пока не добился ни одного попадания. Зато нам удалось притормозить двоих, и сейчас они беспомощно лежат в дрейфе, выпуская клубы пара. Добить их можно и позже, сначала разберемся с этой сворой преследователей.

А южнее нас идет избиение отставшего «обоза». Один из фрегатов тоже попал под